

“РАЗУМНАЯ СИЛА”, ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

А.Г. Костырев

Ключевые слова: глобализация, коммуникационное пространство, мягкая сила, умная сила, разумная сила, общественная дипломатия, неправительственные организации, социальные сети.

Глобализация и информатизация — диалектически связанные характеристики современного мирового процесса, которые приносят существенные изменения во все области общественной жизни, в том числе в сферу международных отношений. Среди основных последствий этих изменений можно выделить, с одной стороны, постепенное размывание роли суверенного государства-нации и повышение роли негосударственных акторов на мировой арене, а с другой — формирование глобального информационно-коммуникационного пространства и усиление борьбы между политическими субъектами за влияние в нем. Таким образом коммуникационное пространство превратилось в категорию геополитическую. “Новейшая геополитика преодолевает узость традиционной и новой геополитики (геоэкономики), ограниченной географическим и экономическим пространством. Новейшая геополитика оперирует большими коммуникационными пространствами многомерной сопряженности, включая виртуальное пространство Всемирной Сети (киберпространство), и вооружена информационно-коммуникационными технологиями манипулирования сознанием (подсознанием), позволяющими эффективно вести сетевые войны, — утверждает геополитик Владимир Дергачев. — Устарели многие геополитические концепции. Теперь нет необходимости владеть тем или иным участком континента или Мировым океаном, чтобы ‘владеть’ миром. На пороге романтического восприятия новой технологической эпохи сформировалась геополитическая концепция мирового порядка ‘Кто владеет информацией, тот владеет миром’” [Дергачев 2011].

143

“МЯГКАЯ СИЛА”, “УМНАЯ СИЛА”, “РАЗУМНАЯ СИЛА”

Появление нового, приоритетного в информационную эпоху геостратегического объекта в дополнение к существовавшим со времен аграрного общества (территории) и со времен индустриального (экономическим, в том числе энергетическим ресурсам) потребовало изменения методов и инструментария международной политики. Новая методология нашла свое воплощение в концепции “мягкой силы” (*soft power*), авторство которой принадлежит известному американскому политологу Джозефу С. Наю — бывшему председателю Национального Совета по вопросам разведки, помощнику министра обороны в администрации Билла Клинтона. Впервые он употребил этот

КОСТЫРЕВ Андрей Геннадиевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Черниговского филиала Киевского славянского университета, член Российской ассоциации политических наук. Для связи с автором: akostyrev@ukr.net

термин в своей работе 1990 г. “Обязанный лидировать”. Противопоставляя его понятию “жесткая сила” (*hard power*), под которым понимается способность нации диктовать свою волю другим нациям, используя экономические и военные средства, мягкую силу автор трактует как способность нации достигать поставленных целей через дипломатическое воздействие, прибегая к глубокому знанию культуры и истории. Най указывает, что “мягкая сила” – это способность получать желаемый результат больше через привлекательность, чем путем принуждения и подкупа. В отечественной парадигме мягкая сила – это направление внешней политики, которое заключается в создании благоприятной информационно-психологической среды для достижения конкретных внешнеполитических и внешнеэкономических целей. Так, зав. отделом информационной безопасности и международных информационных отношений Института проблем международной безопасности СНБО Украины, профессор Николай Ожеван рассматривает понятие “мягкая сила” скорее как эвфемизм, употребляемый вместо термина “внешние информационно-психологические воздействия”, а аналитик из этого же института Валерий Пантелеев считает, что фактически речь идет об использовании классического инструментария *PR* в международных отношениях [Пантелеев 2010].

Сам Най, продолжая разрабатывать свою концепцию в книге “Мягкая сила: средство достижения успеха в мировой политике” (2004 г.), вводит понятие “умная сила” (*smart power*) как комбинацию жесткой и мягкой сил в одной победоносной стратегии. Най отмечает, что повестка дня современной внешней политики превратилась в трехмерную шахматную игру. В одной плоскости происходит классическое военное противостояние, где имеет преимущество тот, у кого сильнее армия. В другой плоскости – межгосударственные экономические отношения, где достижение желаемых результатов в торговле и финансовых вопросах зависит от результата договоренностей между ключевыми финансово-экономическими игроками, прежде всего, США, Евросоюзом и Китаем. В третьей плоскости – борьба за симпатию и привязанность. Успеха на внешнеполитической арене добивается только тот, кто умеет играть одновременно во всех трех измерениях [Nye 2007]. В 2010 г. на семинаре в университете Карачи разрабатывается понятие “разумная сила” (*intelligent power*) как обобщение “умной силы”, подразумевающей использование дипломатии, убеждение, сочувствие к культурным нормам и религиозным чувствам, понимание истории, налаживание личностных мостов, персональный анализ лидеров, поддержку процесса через научные исследования, аналитическую аргументацию, формирование общественного мнения, защиту прав человека, а также (непрямое и ограниченное) использование жесткой силы (демонстрация готовности к войне через технологическое и военное превосходство в ходе маневров и военных игр, публикация и презентация научных разработок в сфере вооружений, а также специальные пошлины на импорт из стран, отказывающихся от сотрудничества, санкции, эмбарго, приостановка льгот на использование воздушного пространства, воздушных и морских портов) [University of Karachi... 2010].

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ: РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДАХ

Рассматривая методы, предлагаемые к использованию в рамках концепции разумной силы, можно заключить, что в условиях глобализации одним

из основных инструментов их осуществления становится общественная дипломатия. В международных отношениях термин “общественная дипломатия” (или “публичная дипломатия” – *Public Diplomacy*) возник для обозначения аспектов международной дипломатии, не относящихся к взаимодействию между государственными структурами. При этом наблюдается существенное различие в подходах к толкованию сути этого понятия.

Термин “публичная дипломатия” был введен в научный оборот деканом Школы права и дипломатии Университета Тафта Эдмунтом Галлионом в 1965 г. Классическое определение публичной дипломатии включает “программы, финансируемые правительством, направленные на информирование и оказание воздействия на общественное мнение в других странах”. В рамках этого подхода (назовем его этатистским) общественность рассматривается как объект деятельности государственных структур, осуществляемой по линии общественной дипломатии. То есть данный термин понимается как “дипломатия с общественностью”, по аналогии с тем, как *Public Relations* – “связи с общественностью”. При этом основной формой такой деятельности и в том, и в другом случае считается манипуляция индивидуальным и групповым сознанием, общественным мнением в целом. Так, одно из определений, данное группой американских советников по общественной дипломатии для арабского и мусульманского мира, гласит, что общественная дипломатия – это продвижение национальных интересов через информирование, вовлечение и влияние на людей [Report of the US... 2003]. Некоторые исследователи, в частности, профессор международных коммуникаций университета в Лидсе Филип Тэйлор, относят общественную дипломатию и пропаганду, наряду с психологическими операциями (*PSYOPs*), к средствам международной информации (*International Information*), цель которой – достижение национальных целей без применения жесткой силы или умножение возможностей жесткой силы в том случае, если она все же применяется [Taylor 2008]. Сторонники этатистского подхода уверены, что именно государство должно финансировать, организовывать и направлять общественную дипломатию. После терактов 11 сентября 2001 г. официальный Вашингтон сформулировал фундаментальные основы публичной дипломатии. Бывший посол США в Сирии и Алжире, ныне занимающий пост старшего советника Госдепартамента по вопросам общественной дипломатии, Кристофер Росс [Ross 2003] выделил семь “столпов”, или принципов, общественной дипломатии, как он ее трактует:

- 1) обеспечение понимания иностранной аудиторией политики в том виде, какая она есть, а не как о ней говорят или думают другие;
- 2) необходимость разъяснять политику, показывая ее рациональность и обосновывая ее фундаментальными ценностями;
- 3) последовательные, правдивые и убедительные обращения к международной общественности;
- 4) умение адаптировать обращения к конкретным целевым аудиториям, для чего составляющие ее целевые сегменты подвергаются постоянному изучению;
- 5) работа не только с узкими целевыми сегментами, но и – через печатные и электронные СМИ – с широкими массами;
- 6) взаимодействие с различными партнерами для охвата новых представителей целевой аудитории, что позволяет создать ощущение независимого

и правдивого подтверждения официальных сообщений, которые в иных случаях были бы восприняты как пропаганда и, следовательно, проигнорированы;

7) активное международное общение и программы обмена.

Другой подход к толкованию понятия общественной дипломатии исходит из того, что сама общественность выступает ее основным субъектом. Так, чл.-корр. РАН, ректор МГИМО (У) МИД России А.В.Торкунов обращает внимание на то, что, говоря об общественной дипломатии, обычно имеют в виду ситуацию, когда гражданское общество активно включается в формирование современного мироустройства и международных отношений, а, значит, приходится отказываться от классической формулы, в соответствии с которой дипломатия является наукой о взаимоотношениях государств и их руководителей [Торкунов 2006]. Глава Росзарубежцентра при МИД России Э.В.Митрофанова утверждает, что “народная” дипломатия в последние годы стала не только “зеркальным” отражением внешнеполитического курса ведущих государств, но и активным инструментом формирования общеевропейского пространства, влияния на формирование важнейших международных инициатив [К единой Европе... 2007: 172].

Анализ показывает, что в последнее время в России все активнее как в теоретической, так и в практической плоскости разрабатывается концепция общественной дипломатии. 2 февраля 2010 г. Дмитрий Медведев подписал Распоряжение Президента РФ № 60-рп “О создании Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова”, учредителем выступило Министерство иностранных дел России. Целями Фонда являются поддержка публичной дипломатии, содействие участию российских неправительственных организаций в международном сотрудничестве и активное вовлечение институтов гражданского общества во внешнеполитический процесс [Распоряжение Президента РФ 2010]. 23 марта 2011 г. на ежегодной встрече министра иностранных дел России с представителями отечественных неправительственных организаций (НПО) международной специализации С.В.Лавров обратил внимание российских НПО на имеющиеся возможности для активизации их деятельности на пространстве СНГ, многосторонних дискуссионных площадках. Среди предметных сфер приложения усилий НПО с международным уклоном – осмысление проблем и приоритетов деятельности России в регионах мира, включая СНГ и Кавказ, когда необходимы качественные экспертные материалы страноведческого и регионального характера [Тезисы выступления... 2011].

Таким образом, общественная воля, гражданские структуры фактически принимают на себя функцию “второго дыхания” по отношению к исторически мотивированным потребностям государств и должны, с одной стороны, способствовать сохранению этнокультурных традиций, а с другой – обеспечить эффективную ценностную межцивилизационную коммуникацию.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ПОЛИТИКА

Основной формой осуществления деятельности по линии общественной дипломатии в данном случае выступает коммуникация. При этом следует подчеркнуть, что коммуникацию мы понимаем не просто как обмен сообщениями, а как процесс взаимной интерпретации сообщений с целью понять их

смысл. И только демократическое гражданское общество может обеспечить коммуникацию в ее культурно-ценностном смысле, поэтому именно оно должно стать инструментом создания новых общностей, тем связующим звеном, которое объединяет страны [Костырев 2008: 131-137]. Одним из необходимых условий развития в стране гражданского общества является наличие развитой сети НПО. Важную роль в развитии НПО играют современные информационные технологии. Интернет предоставил возможность обратиться к неограниченному количеству граждан прямо, причем адресно и с индивидуальным подходом. При этом удельные расходы значительно снижаются. Уже одно это увеличивает значение Интернета для любой негосударственной организации, которая стремится влиять на формирование общественного мнения с целью построения в стране гражданского общества. Вот почему наиболее развитые мировые НПО сегодня соединяют в себе функции традиционных НПО, политических партий и сетевых организаций. “По мере того как снижается стоимость компьютерных технологий и коммуникаций, также снижаются барьеры для входа. Частные лица и частные организации от корпораций и неправительственных организаций до террористов, таким образом, получили возможности играть непосредственную роль в мировой политике, — подчеркивает в этой связи Дж. С. Най. — Распространение информации означает, что власть получит более широкое распространение, и неформальные сети подорвут монополию традиционной бюрократии. Ускоренный ход времени, обусловленный наличием Интернета, означает, что все правительства будут иметь меньше контроля над своими планами действий. У политических лидеров будет меньше степеней свободы, так как им придется быстро реагировать на события, и им придется конкурировать с растущим числом и разнообразием актеров для того, чтобы быть услышанными” [Най 2011].

За последние годы социальные сети стали фактом жизни гражданского общества во всем мире, с участием многих действующих лиц — рядовых граждан, активистов НПО, телекоммуникационных компаний, поставщиков программного обеспечения, правительств. “Цифровые сети оказали массивное позитивное воздействие на стоимость и распространение информации, легкость и диапазон публичных выступлений граждан, а также скорость и масштабы групповой координации, — пишет профессор Нью-Йоркского университета Клэй Ширки в своей статье ‘Политическая власть социальных сетей’. — И хотя эти изменения не позволяют неорганизованным группам предпринимать эффективные политические действия, они, однако, позволяют организованным группами играть по новым правилам” [Shirky 2011]. СМИ в 2009 г. внимательно следили за Иранской “зеленой революцией” через *YouTube* и *Twitter*, а революции 2009 г. в Молдове даже было дано прозвище “*Twitter*-революция”. Случаи Туниса и Египта показали возрастающее значение социальных медиа при инициировании и организации акций гражданского неповиновения. Интернет позволяет революционному ядру широко распространять не только свои идеологические сообщения, но и свою программу профессиональной подготовки и оперативные планы. “Социальные медиа являются инструментами, которые позволяют революционным группам снизить расходы на участие, организацию, набор и обучение, — обращают внимание американские аналитики Марко Папич и Син Ноонан. — Но, как

и любой инструмент, социальные медиа имеют присущие им слабые и сильные стороны, и их эффективность зависит от того, насколько эффективно лидеры их используют и насколько они являются доступными для людей, которые знают, как их использовать” [Papic, Noonan 2011].

Будучи всего лишь инструментами, социальные сети, как и другие медиа, могут быть использованы не только в качестве эффективного средства коммуникации и таким образом демократизации общественных отношений как на национальном, так и на международном уровнях. Они могут также стать мощным средством манипуляции общественным сознанием, превращаясь в новейшее информационное оружие. В этой связи можно сослаться на генерального секретаря Организации Договора о коллективной безопасности Николая Бордюжу, который в декабре 2010 г., отвечая на вопрос о роли Интернета в организации массовых беспорядков в Москве и Минске, сказал: “Мы сегодня стоим перед реальным фактом, что Интернет и другие информационные ресурсы используются для того, чтобы поднять некоторые слои населения, а некоторые, наоборот, успокоить для того, чтобы они не вмешивались в ту или иную ситуацию. И тем самым, может быть, дестабилизировать ситуацию, может быть, ее изменить каким-то образом. Поэтому все эти обстоятельства нас беспокоят. Эта проблема актуальна не только для Белоруссии или России. Взять, например, известные события в Молдавии, Иране, Украине несколько лет назад, Киргизии – везде использовались информационные ресурсы. Использовались для достижения конкретных политических целей. Список государств, которые с этим столкнулись, можно продолжить. Фактически информационная деятельность превращается в своего рода оружие, которым пользуются некоторые политические силы” [В ОДКБ считают... 2010]. Как указывает В.А.Дергачев, “становится очевидным, что не только этнонациональные и этноконфессиональные конфликты могут определять меняющуюся картину мира. Конфликт интерактивной среды Интернета с существующими статусными коммуникациями государств, политических, военных и экономических блоков может стать взрывоопасным в результате мировой сетевой информационной войны” [Дергачев 2011]. Отнюдь не случайно в докладе Министерства обороны США от 1 февраля 2010 г. “Об оценке ситуации в области обороны за четыре года”, который играет направляющую роль в определении военной стратегии и стратегии безопасности США в ближайшие несколько лет, предлагается создать комплексную программу, осуществить централизованное командование и рассмотреть при этом действия в сетевом пространстве в качестве важного инструмента в урегулировании конфликтов между государствами [Новые изменения... 2010].

По мере того как арабские режимы боролись с демонстрациями, которые подпитывались *Facebook*, *Twitter* и Аль-Джазирой, а дипломаты пытались понять влияние “*Wikileaks*”, стало ясно, что век глобальной информации потребует более глубокого понимания того, что будет означать обладание властью и какие ресурсы будут обеспечивать власть. Очевидно, что в век информации разумная политика должна сочетать в себе жесткую и мягкую силы. Важнейшим инструментом такой разумной политики становится общественная дипломатия, что является отражением возрастающего влияния негосударственных структур на мировой политический процесс. Вот почему развитие неправительственных меж-

дународных организаций, структур еврорегионов, проведение образовательных, научных, культурных, спортивных, туристических мероприятий в рамках приграничного сотрудничества, возрождение связей между городами-побратимами с этой точки зрения является исключительно важной задачей. А использование возможностей современных информационных технологий, в том числе социальных сетей, может дать новый импульс этому движению, превращая межгосударственное сотрудничество в действительно международное.

В ОДКБ считают, что Интернет в Украине использовали как оружие. 2010. — Доступ: http://censor.net.ua/ru/news/view/147543/v_odkb_schitayut_chno_internet_v_ukraine_ispolzovali_kak_orujie Jny.lm.

Дергачев В.А. 2011. Геополитика мировой кибервойны. — *Вестник аналитики*, № 1. — Доступ: <http://www.dergachev.ru/analit/010411.html>.

Костырев А.Г. 2008. Украина: буфер или межцивилизационный форум. — *Современная Европа*, № 4.

К единой Европе без разделительных линий. 2007. Дискуссия. Э.В.Митрофанова (руководитель Росзарубежцентра при МИД России). — *Международная жизнь*, № 1-2.

Най Дж.С. 2011. Реальность виртуальной власти. — Доступ: <http://www.project-syndicate.org/commentary/nye91/Russian>.

Новые изменения в оборонной стратегии США. 2010. — Доступ: <http://rus.ruvr.ru/2010/02/05/4165645.html>.

Пантелеев В. 2010. Soft Power: роль суб'єктивного чинника у міжнародних відносинах. — *Зовнішні Справи*, № 2. — Доступ: <http://www.uaforeignaffairs.com/article.html/print?id=494>.

Распоряжение Президента РФ от 02.02.2010 № 60-пр "О создании фонда публичной дипломатии имени А.М. Горчакова". — Доступ: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1050068>.

Тезисы выступления Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на встрече с представителями российских неправительственных организаций международной специализации. 2011 г., 23 марта. — Доступ: http://www.ln.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/ad9e5f2a6a3a02abc325785c005d6231!OpenDocument.

Торкунов А.В. 2006. Наука о разумных отношениях. — *Стратегия России*. — Доступ: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1143025211&archive=1143026070&start_from=&ucat=14&

Nye J.S. 2007. Soft Power: The Means to Success in World Politics. — *The Huffingtonpost*. — Доступ: http://www.huffingtonpost.com/joseph-nye/smart-power_b_74725.html.

Papic M., Noonan S. 2011. Social Media as a Tool for Protest. — *Stratfor Weekly*, 02.02. Доступ: <http://www.stratfor.com/weekly/20110202-social-media-tool-protest>.

Report of the US Advisory Group on Public Diplomacy for the Arab and Muslim World. 2003. *Changing Minds Winning Peace: A New Strategic Direction for U.S. Public Diplomacy in the Arab & Muslim World*, October 1. — Доступ: www.state.gov/documents/organization/24882.pdf.

Ross C. 2003. Pillars of public diplomacy: grappling with international public opinion (Perspectives). — *Harvard International Review*. — Доступ: <http://www.harvardir.org/articles/1117/1/>.

Shirky C. 2011. The Political Power of Social Media. Technology, the Public Sphere, and Political Change. — *Foreign Affairs*, Jan./Feb. Доступ: <http://www.foreignaffairs.com/articles/67038/clay-shirky/the-political-power-of-social-media>.

Taylor Ph. *What is Public Diplomacy*. — Доступ: <http://www.leeds.ac.uk/ics/what-pd.pdf>.

University of Karachi, Department of International Relations, Graduate Studies Discussion Group. 2010. *Soft Power, Smart Power and Intelligent Power. A seminar in honor of Joseph Nye*. — Доступ: <http://www.ngds-ku.org/Presentations/Security.pdf>.

